

Марина
СЕРОВА

**ВЫХОД ЕСТЬ
ВСЕГДА**

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Марина Сергеевна Серова
Выход есть всегда
Серия «Русский бестселлер»
Серия «Частный детектив
Татьяна Иванова»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25204683
Серова, Марина Сергеевна. Выход есть всегда: Издательство «Э»;
Москва; 2017
ISBN 978-5-699-99662-9

Аннотация

Эта история о похищении ребенка не слишком похожа на обычный киднеппинг. Маленького Тимура никто на самом деле не похищал – бабушка с дедушкой просто отстранили мать от воспитания сына, а теперь еще и делают все, чтобы упечь ее за решетку. У них все могло получиться, если бы не частный детектив Татьяна Иванова. Теперь дело за малым: чтобы вернуть Тимура Варе, нужно вычислить, кто на самом деле убил ее шефа. Претендентов хоть отбавляй: конкуренты, коллеги, чиновники – человек состоятельный и рязкий, как всегда, мешает всем...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	28
Глава 3	60
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Марина Серова

Выход есть всегда

© Серова М.С., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Глава 1

Мне пришло SMS-сообщение о пополнении банковской карты – клиент расплатился за удачно проведенное расследование. Я поймала себя на мысли, что не помню, какое оно по счету. Да и эмоции были уже не те, что в начале моей детективной практики. Прочитав эсэмэску, я испытала... раздражение, что она оторвала меня от перемальвания кофейных зерен. Почему-то успешно выполненная и щедро оплаченная работа перестала приносить чувство удовлетворения. Может, дело в том, что способ оплаты стал другим? Теперь вместо бумажных купюр, которые можно потрогать руками, я зачастую получаю банковские переводы. Но мое сердце никогда и не замирало при виде большой наличности, потому что деньги для меня не являются самоцелью. А что является? Раньше я, ни секунды не раздумывая, сказала бы, что истина и справедливость. Сейчас я считаю, что это – понятия относительные.

Покрутив в голове последнее дело, потом предыдущее, я поняла, в чем причина моей профессиональной неудовлетворенности, точнее, в ком. В клиентах. Последний стал искать правду и добиваться возмездия лишь потому, что не смог смириться со своим поражением в конкурентной борьбе, в которой было много грязи с обеих сторон. Его соперник оказался наглее и беспринципнее, но благодаря моим стара-

ниям он предстал перед судом. Дорога в большой бизнес моему клиенту была расчищена. С предыдущим моим заказчиком случилась похожая история, разница лишь в деталях. Может, мне стоит избирательнее относиться к своим расследованиям? Если нет симпатии к клиенту, то отказывать ему без объяснения причин? Но ведь так можно испортить свою репутацию. Пойдет дурная слава, что Татьяна Иванова зазналась, а то и, хуже того, потеряла свой профессионализм. А это не так, просто мне хочется, чтобы... Я осеклась, осознав, что есть профессии, в которых некорректно строить планы на будущее. Пусть у хороших людей не будет повода обращаться ко мне, но если такое случится...

Мою мысль прервал телефонный звонок.

– Алло! – ответила я.

– Татьяна, здравствуйте! Я звоню вам по рекомендации моей родственницы, – женщина назвала фамилию одной из моих клиенток. – Мне надо срочно с вами встретиться. Собственно, я уже около вашего дома.

– Хорошо, поднимайтесь! – ответила я, ощутив так хорошо знакомый мне сыщицкий азарт.

– Татьяна, спасибо, что согласились со мной встретиться, – спешно проговорила женщина лет тридцати трех, усаживаясь в кресло напротив меня. – Правда, я боюсь, как бы уже не было слишком поздно... Тем не менее попытаться стоит. Так ведь?

– Посмотрим, что можно сделать в вашей ситуации. Вы не представились, – заметила я.

– Меня зовут Людмила, фамилия – Усова.

– Так что у вас, Люда, произошло? – поинтересовалась я, отметив про себя, что моя клиентка не выглядит слишком уж расстроенной. Никаких распухших от слез глаз и синяков под глазами, являющихся результатом бессонных ночей, я на ее лице не заметила. И в голосе не было слышно ноток отчаяния. Скорее он был наполнен решимостью ухватиться за последний шанс.

– Проблемы не у меня, а у моей соседки Варечки Котляровой, причем очень большие. Полагаю, точнее мы с мужем полагаем, что кроме нас никого не заботит ее судьба... Варвару обвиняют в убийстве, но мы с Сережей абсолютно уверены, что она его не совершала.

– В убийстве? Это серьезное обвинение, – прониклась я всей серьезностью ситуации. – И, наверное, не беспочвенное?

– Почву можно подбросить, в смысле сфальсифицировать факты, – со знанием дела заявила моя клиентка.

– Людмила, расскажите-ка мне поподробнее, кто, когда и при каких обстоятельствах был убит. А главное – почему подозрения пали именно на вашу соседку?

– Да потому что как раз Варя и вызвала полицию! О том, что она сама станет подозреваемой, ей даже не приходило, наверное, в голову. А это потому, что Котлярова немного не

от мира сего... Она – святая! Ну или почти святая. Я таких, как она, больше не встречала. Варвара не могла никого убить, – заверила меня Усова.

Я, конечно, мечтала о том, чтобы помогать исключительно хорошим людям, но не до такой же степени! Кто я такая, чтобы спасти святых? Да и есть ли на нашей грешной земле таковые?

– Где Варя обнаружила труп? Дома? В подъезде? Во дворе? – продолжила я опрос.

– В офисе строительной фирмы «XXI век», – обозначила место преступления Люда. – Именно там она нашла труп своего начальника и позвонила в полицию. Домой Котлярова уже не вернулась, ее сразу же задержали... Сначала Сергей, это мой супруг, обратился к адвокату, который защищает Котлярову. Точнее, Суворов должен ее защищать. Только он уверен, что она виновна, поэтому, по его мнению, об оправдании Вари не может быть и речи. Представляете, он сначала нас обнадежил, сказав, что выиграет дело. Но потом оказалось, что для него выиграть дело – это добиться минимального срока наказания, предусмотренного за убийство. Каково, а?!

– Иногда так и есть.

– И вы туда же, – разочарованно вздохнула Людмила. Но она даже представить себе не могла, о чем я думала перед ее приходом и насколько меня заинтересовало это дело! Мой профессиональный азарт разгорался все сильнее и сильнее.

Правда, в святость не знакомой мне пока Варвары не верилось, как бы клиентка на этом ни настаивала. Ну не встречала я пока людей с нимбом вокруг головы!

– Люда, объясните мне, почему вы оправдываете Котлярова, – мягко попросила я. – Вам доподлинно известно, ну или вы хотя догадываетесь, кто на самом деле совершил убийство?

– Откуда? – Клиентка изумленно уставилась на меня. – Я даже не знала, как зовут Вариного начальника, пока его не убили и не обвинили в этом нашу соседку.

– А кто вам сообщил об этом убийстве?

– Муж. Он был дома, когда на квартиру, которую снимала Котлярова, пришли с обыском. Его пригласили туда в качестве понятого. Сергей пытался убедить следственную бригаду, что они на ложном пути. Но к нему не только не прислушались, а еще и вызвали на допрос в следственный комитет как возможного сообщника. Представляете? – Людмила скривила губы в ухмылке.

– Возможно, я чего-то не знаю, но со стороны ваши рьяные попытки защитить соседку действительно выглядят подозрительно.

– Вы говорите один в один, как следователь Рузаев. Ему тоже сначала казалось очень подозрительным, что мой муж вступился за нашу соседку. Но потом, когда Сергей рассказал ему, что мы очень обязаны Варечке, следователь отпустил его.

– И чем же вы обязаны Котляровой? – не могла не поинтересоваться я.

– О, это длинная история! – взмахнула рукой Людмила. Выдержав паузу, она произнесла: – Но я попытаюсь рассказать вам ее покороче.

Совсем коротко у нее не получилось – моя клиентка красноречиво вещала о событиях недавнего прошлого минут сорок...

В апреле, в Страстную пятницу, Люда возвращалась с работы домой и увидела Светлану Кондратьевну, няню своей пятилетней дочери, мечущуюся по двору. Оказалось, она потеряла девочку. Поначалу Людмиле было не до выяснения обстоятельств того, почему та не уследила за Дашенькой. Мать сразу же включилась в активные поиски своей пропавшей дочурки. Она обследовала не только свой, но и соседние дворы, оббежала соседей, у которых были дети примерно того же возраста, что и ее дочь, но все без толку. Отчаявшись, Люда позвонила мужу и сквозь слезы сообщила ему о пропаже Даши. Он тут же поехал домой и, выйдя из машины, набросился с упреками на Светлану Кондратьевну, не уследившую за ребенком. Та сначала оправдывалась, ссылаясь на непослушание и непоседливость девочки, а потом замолчала, уставившись за спину разгневанного отца. Но пауза была недолгой.

– Это она украла Дашу! – Няня указала пальцем на Варю,

держашую за руку девочку. – А я тут ни при чем!

Людмила прижала к себе дочку, а Сергей обрушился с обвинениями на молодую соседку. Девушка слушала его молча и даже не пыталась как-то выгородить себя. Только когда Усов замолчал, она негромко произнесла:

– Я возвращалась с работы домой через горпарк и увидела там на скамейке Дашу.

– Слушайте вы ее больше! – перебила девушку Светлана Кондратьевна. – Она вашу дочь похитила, а потом решила вернуть.

– Да как же вам не стыдно на Страстной неделе такую чушь нести! – возмутилась Варя и пошла к парадной.

Нянька продолжала выкрикивать ей вслед самые нелепые обвинения, пока Сергей ее не спросил:

– И все же, Светлана Кондратьевна, куда вы сами-то смотрели, если у вас из-под носа увели нашу дочь?

Вместо ответа няня театрально прижала руку к груди, опустилась на скамейку, около которой стояла, и страдальческим голосом попросила дать ей валидол. Испугавшись, как бы у нее не случился инфаркт, Люда поспешила в ближайшую аптеку за лекарством. Сергей же оставил Светлану Кондратьевну на попечение соседок преклонного возраста, только что вышедших на прогулку, и повел дочку домой. Когда Людмила вернулась из аптеки, няня уже выглядела бодренько и не нуждалась ни в каких сердечных препаратах. Пенсионерки, похоже, науськанные ею, стали уверять Люду,

что видели из окна, как Варя увела девочку.

Тем временем дома Даша сбивчиво рассказывала папе, что же произошло на самом деле.

Покормив девочку полдником, няня пообещала ей пойти гулять в парк. Но когда они собрались и вышли на улицу, тете Свете кто-то позвонил. Вместо парка она привела девочку на детскую площадку и сказала, чтобы та покаталась на качелях. Даша так и сделала. К няне тем временем подошла баба Вера со второго этажа, а потом и еще одна старушка, живущая в соседнем подъезде. Тетя Света достала из сумки какие-то баночки и стала показывать их соседкам. Дашеньке стало скучно, она подошла к няне и спросила, когда они пойдут в парк, на что та ответила: «Иди сама, я скоро освобожусь». Девочка так и сделала.

Сергей уже не раз просил Светлану Кондратьевну не совмещать работу няни с распространением биодобавок, но та, как выяснилось, не вняла просьбам своего работодателя. Увлечшись распространением БАДов, она не уследила за ребенком...

Вернувшись домой, Люда попросила дочку еще раз рассказать, как она оказалась в парке. Но девочка стала ломаться, и тогда Сергей повторил жене то, что услышал от дочери.

– Дашенька, а может быть, тебя все-таки наша соседка увела? – доверительно спросила дочку Люда.

– Нет, мамочка, – озорно мотнула головой Дашенька, – с тетей Варей мы только обратно пришли.

Казалось, девочка водит родителей за нос. Так что Сергей, хоть и недолюбливал няню, но был склонен поверить именно ее словам. А вот материнское чутье подсказывало Людмиле, что дочка говорит правду.

Наутро Усов отправился в администрацию горпарка. Там работал его бывший одноклассник Олег Борщов. Сергей попросил его показать записи с камер наружного видеонаблюдения. Тот поинтересовался, что произошло, и, получив ответ, усадил его за нужный компьютер.

Сергей стал изучать записи с четырех камер. Одна из них зафиксировала Дашу, она шла по центральной аллее, то и дело оглядывалась назад, будто ждала, что ее вот-вот догонит няня. Но Светланы Кондратьевны не было и в помине. Да и ребенок на какое-то время исчез из поля зрения всех камер – в парке имелось немало слепых зон. Но потом ее зафиксировала камера, расположенная у северного входа. Неподалеку находилась Дашина любимая скамейка – деревянная скульптура в виде сороконожки. Девочка пришла туда, села и обняла голову «сороконожки».

Вскоре в фокус той же камеры попал мужчина лет шестидесяти, который медленно шел по аллее. Увидев одинокую девочку, он остановился, огляделся по сторонам и присел на скамейку напротив нее. По аллее то и дело сновали люди, а потом настало затишье. Незнакомец встал и медленно пошел к девочке, расстегивая на ходу плащ. Но тут вначале аллеи показали двое на роликах – парень и девушка. Мужчина,

увидев их, вернулся обратно на скамейку. Роллеры присели отдохнуть на «сороконожку», а Даша встала и пошла к выходу из парка. Подозрительный тип последовал за ней, буквально шаг в шаг. Девочка оглянулась назад и, словно почувствовав неладное, побежала вперед по аллее. Незнакомец тоже ускорился, но тут с двух сторон его стали обгонять молодые люди на роликах. Метнувшись в сторону, он задел плечом девушку, та потеряла равновесие и упала. А мужчина как ни в чем не бывало стал догонять Дашу. Парень подъехал к своей девушке, помог ей подняться, а затем догнал незнакомца, преградил ему путь и стал выяснять с ним отношения.

Тем временем дочка Усовых свернула налево и, пробежав еще немного, села на скамейку. Но незнакомец ее быстро нашел. Он был уже в метре от Даши, когда около нее остановилась Варя, которая шла со стороны северного входа в парк. Увидев дочь своих соседей, Котлярова подседа к девочке. Мужчина стоял в сторонке, наблюдая за происходящим. Через несколько минут Варя с Дашей поднялись со скамьи и, взявшись за руки, направились к центральному входу, а незнакомец пошел в другую сторону.

– Как у тебя дела? – поинтересовался вернувшийся в кабинет Борщов. – Все прояснилось?

– Понаставили камер и не смотрите в них! – возмутился Сергей. – У вас тут педофилы среди бела дня по аллеям ходят. Олег, представляешь, один мужик чуть не уволок мою

Дашку в кусты! Вот, посмотри!

– Ты, Серега, не кипятись, – осадил его однокашник, посмотрев нужную запись. – Наверняка не известно, что он извращенец. Лучше скажи, одна твоя дочь пришла сюда или нет?

– Одна. Варя очень вовремя мимо нее проходила. А я почти поверил вчера Светлане Кондратьевне, накричал на соседку... Придется нам теперь перед ней извиняться... А ты, Олег, еще посмотрел бы записи. Может, он еще засветится рядом с детишками?

– Посмотрю, – пообещал Борщов. – А няньку свою ты гони!

– Ну, разумеется. Теперь мне ясно, что она во дворе свои биодобавки распространяла и ей было не до нашего ребенка.

Вернувшись домой, Сергей все рассказал жене. Обсудив ситуацию, супруги решили, что им надо непременно извиниться перед соседкой. Идти к Варваре с пустыми руками казалось неудобным. Сергей предложил преподнести ей в знак примирения цветы, а Люда стала настаивать на том, чтобы отблагодарить Котлярову некоторой суммой.

– Да, наверное, ты права, – согласился супруг. – Деньги ей не помешают. Помнишь, Мария после смерти своей родственницы долго не могла никому сдать такую убитую квартиру, даже снизив цену? Мы еще с тобой удивлялись, как Варя согласилась там поселиться. Вероятно, она сильно стеснена в средствах.

– А я заметила, что она одевается в дешевых магазинах. Думаю, деньги ее порадуют. Но и цветы тоже нужны... С ними разговор начинать проще будет. Все, решено, иди за цветами!

Через полчаса Сергей вернулся с симпатичным букетом мелких розочек, но заходить в свою квартиру не стал, лишь открыл дверь и крикнул с порога:

– Люда, я вернулся. Идем!

Усова взяла приготовленный конверт с деньгами, вышла на лестничную площадку и позвонила в соседнюю квартиру. Открыв без всяких вопросов дверь, Котлярова с удивлением уставилась на незваных гостей.

– Варя, здравствуйте! Это – вам. – Сергей протянул ей букет.

– Мне? – удивилась девушка, не спеша его принимать.

– Да, вам. Простите нас, пожалуйста, за вчерашнее. Я накричал на вас, ни в чем толком не разобравшись. Каюсь, был не прав. Вместо того чтобы поблагодарить, я стал обвинять...

– Это так не по-соседски, – виновато добавила Люда.

– Не держите на нас зла. Держите цветы. – Сергей снова выставил руку вперед.

– Да я на вас не в обиде. На вашем месте я бы, наверное, еще и не такого наговорила...

– А что вы тут делаете? – спросила Даша, выглянув на лестничную площадку.

– Ой, мне на кухню надо! – Варвара неожиданно исчезла в глубине квартиры, оставив входную дверь приоткрытой.

Усовы зашли к Котляровой без приглашения и сразу заметили, как там все преобразилось! Варя не только отмыла квартиру, а поменяла обои, пусть на дешевые, но все же новые, повесила свои занавески, постелила дорожки, и жильё стало просто не узнать!

– Завтра Пасха, – сказала Варвара, появившись в дверном проеме кухни, – я куличи испекла. Осталось только помазать их помадкой и посыпать крашеным пшеном, ну и, конечно, осветить в церкви. Я вам вечером занесу освещенный кулич. Вы дома будете?

– Дома, – кивнула Людмила.

Сергей сделал несколько шагов навстречу Варе и принял еще одну попытку вручить ей цветы. На этот раз она взяла их.

– Какие красивые! – сказала девушка, рассматривая букет. – Я уж и не помню, когда мне в последний раз дарили цветы...

– На 8 Марта, наверное, – предположила Люда.

– Нет, в этот раз обошлось без цветов, впрочем, как и в прошлый. Вспомнила! Перед тем как съехать с другой квартиры, курьер принес мне белые лилии. Но у меня на них аллергия. Я сразу чихать начала, так что пришлось отнести лилии на балкон. – Варя почему-то нахмурилась.

– Неужели на эти цветы тоже аллергия? – расстроился

Сергей.

– Нет-нет, все в порядке, розы я очень люблю. Сейчас поставлю их в вазу.

Людмила переложила конверт из одной руки в другую, не решаясь отдать его соседке. Интуиция подсказывала ей, что деньги та не возьмет. На всякий случай она вопросительно посмотрела на мужа, тот лишь пожал плечами, что означало – поступай, как знаешь. Люда убрала конверт в задний карман джинсов.

– Ой, какие яички красивые! – вскрикнула Даша, зашедшая на кухню.

– Выбирай, какое тебе нравится, – ласково предложила ей Варя.

– А мне все нравятся, – сказала девочка.

Людмила мельком взглянула на поднос с пасхальными яйцами и спросила:

– Это такие наклейки, да?

– Нет, – возразила Варвара, – я сама яйца расписывала.

– Серьезно? – Усова взяла одно из них в руки. – Действительно, не наклейки. Варя, но это же так трудоемко!

– А мне нравится росписью заниматься, – ответила девушка, поставив вазу с цветами на стол.

– Я вот это яичко возьму, – наконец-то определилась Дашенька. – Оно самое-самое красивое!

– Ой, вы ведь, наверное, на нас не рассчитывали! Гостей ждете, да? Вдруг кому-то не хватит яйца? – забеспокоилась

Усова.

– Всем хватит, еще и останутся.

Возникла пауза, которую нарушил Сергей, обратившись к хозяйке:

– Еще раз извините нас за вчерашнее. Не понимаю, как мы повелись на оправдательную ложь Светланы Кондратьевны. Она свое еще получит! Мы ей такие рекомендации дадим, что ее ни в один дом больше няней не возьмут!

– Простите Дашину няню. – Варя вдруг стала заступаться за оговорившую ее женщину. – Думаю, впредь она будет внимательней.

– Ну нет! Вы совершенно напрасно защищаете Светлану Кондратьевну, – с горячностью возразил Сергей. – Оставлять ее без наказания нельзя. Вы даже представить себе не можете, что с Дашей едва не случилось при ее попустительстве. Если бы не вы...

– А что могло со мной случиться? – любопытствовала девочка.

– Заблудилась бы, – ответил отец.

– Ну уж если вы, Варя, не в обиде на Светлану Кондратьевну за оговор, то так и быть, мы ее тоже простим, – примирительно произнесла Людмила.

– Спасибо, – поблагодарила ее Котлярова так искренне, будто для нее это было действительно важно.

Усовы еще немного пообщались с соседкой и ушли от нее с пасхальными, хоть и не освященными дарами. Уже дома

Люда обнаружила, что в кармане джинсов нет конверта с деньгами.

– Наверное, он выпал, когда я присела на диван, – предположила она.

– Выпал, я видела, – подтвердила Даша.

– А почему же не сказала мне? – удивилась Людмила.

– Так ты же сама хотела тете Варе денежки отдать. Я слышала, – с детской наивностью призналась Дашенька.

– Не хорошо как-то с деньгами получилось, – сказала Люда мужу. – Варя ведь, похоже, глубоко верующая. Вдруг она сочтет нашу материальную благодарность за оскорбление?

– Если конверт выпал, значит, так надо было, – философски заметил Сергей.

Людмила впала в задумчивое молчание.

– Значит, вы не вернулись за деньгами? – поинтересовалась я.

– Нет. Тем же вечером я пошла гулять с Дашей, заглянула в почтовый ящик и обнаружила там свой конверт. Все его содержимое было на месте. А перед этим Варечка приносила нам освященный кулич и ничего про деньги не сказала. Вы чувствуете, как деликатно она поступила?

– Да, щепетильная девушка, – согласилась я.

– Она вручную два десятка яиц расписала. Таня, вы можете себе представить убийцу, который занимался бы этим?

– Не могу.

– Вот! – Людмила подняла вверх указательный палец. – Значит, она не виновна!

– Увы, подобное доказательство не подействует на судью, разве ж только на присяжных, – размышляла я вслух.

– Какие присяжные? Таня, о чем вы? – отмахнулась Усова. – Судить надо кого-то другого, а не Варю. Она ангел, понимаете? Сущий ангел!

– Она земной человек, как и мы с вами... Именно поэтому ей нужна помощь. Я берусь за это дело!

– Таня, спасибо вам огромное! – Потухший взгляд Люды моментально ожил.

– Теперь давайте поговорим о самом преступлении. Вам известны хоть какие-то детали?

– Очень мало. Это произошло... – Усова замолчала, вспоминая дату. Назвав ее, она добавила: – Кулик был застрелен в своем кабинете пистолетным выстрелом в сердце. Это произошло в конце рабочего дня. Она, похоже, заглянула к начальнику и обнаружила его труп. Это все, что мне известно.

– Не густо. А что вы знаете о самой Варе? Почему она жила на съемной квартире? Где она проживала до этого? Есть ли у нее какие-то родственники? Был ли у нее молодой человек? А подруги у нее имелись? – забросала я Людмилу вопросами.

– Если честно, то ничего этого я не знаю. Хотя... один раз, примерно за неделю до убийства, я видела, что к ней приходила пара – девушка лет двадцати двух, с виду ее же ровес-

ница, и мужчина лет на десять, а то и пятнадцать постарше, бритый наголо. Варя назвала свою гостью Светой... А еще Варя мне как-то сказала, что приехала сюда откуда-то из области, потому что там с работой плохо. А вот молодого человека я у нее никогда не видела, но это не значит, что его не было. Я просто могла не встретиться с ними. Кто-то ведь ей посылал с курьером белые лилии, – вспомнила Люда. – Мужчины, они ведь обидчивые – один раз не угадал с подарком, второго раза от них не дождешься...

– Жаль, что вы ничего толком не знаете о своей соседке, – посетовала я.

– После того случая мы с Варей уже не просто здоровались, а могли остановиться во дворе, поболтать о том о сем. Но вот с расспросами о личной жизни я к Варе в душу не лезла. Сама она о себе практически ничего не рассказывала, больше меня слушала. Но вот с нашей дочкой Варя ладила. Знаете, мы как-то раз Дашу с ней на несколько часов оставляли. Знакомые пригласили нас с Сережей на банкет в ресторан. Няня была выходная, вот я и обратилась с просьбой к Котляровой. Она с радостью согласилась посидеть с нашей дочкой. Дашка потом едва ли не целую неделю восторженно рассказывала, как интересно она провела время с тетей Варей. Потом Котлярову арестовали. А дочка все спрашивает и спрашивает про нее... Я сказала Даше, что наша соседка на время уехала по делам, но обязательно вернется.

– Люда, вы упоминали, что Сергей присутствовал в каче-

стве понятого при обыске. Там нашли что-нибудь интересное?

– В том-то и дело, что ничего особенного. Разве что сберкнижку. У Вари был вклад на тридцать тысяч... рублей.

– Не такая уж большая сумма, – заметила я.

– Совсем небольшая, – подтвердила Людмила. – Но эту сберкнижку приобщили к делу. Нетбук у нее еще был, его тоже забрали. Пожалуй, это все.

– Люда, вы можете дать мне координаты адвоката?

– Да, у меня где-то была его визитка. – Усова полезла в сумку. – Суворова назначили Варе в качестве госзащитника. Мой муж слышал, как следователь Рузаев говорил кому-то, что, по словам Котляровой, ни у нее, ни у ее родственников денег на хорошего адвоката нет.

– Значит, она не сирота, а какие-то родственники у нее все-таки имеются, – отметила я.

– Вспомнила! У нее есть сестра. Когда мы Дашеньку ей привели, она разговаривала с ней по телефону.

– О чем они говорили?

– «Ниночка, сестренка моя, милая, думаю, мы скоро увидимся. Ну все, пока!» – процитировала Люда, продолжая копаться в сумке. – Может, я выложила визитку за ненадобностью? Знаете, Суворов еще совсем молод. Год или два, как институт окончил... Нашла! Татьяна, вы, конечно, можете с ним встретиться, но никакого толку от этого не будет. Только время потеряете...

– Я разберусь. – Задав Людмиле еще несколько вопросов и не получив на них толковых ответов, я поняла, что пора переходить к финансовому вопросу, и назвала цифру. – Вас устраивает эта сумма?

– Да, конечно. Если бы не Варя, с нашей Дашей могло бы случиться несчастье. Это то малое, что мы можем теперь сделать для Котляровой. – Усова положила на журнальный столик несколько крупных купюр. – Знаете, тот подозрительный тип, что ходил за нашей дочкой по парку, снова засветился на камерах. Олег потом позвонил моему мужу и сказал, что одну девочку лет семи он едва не увел с собой за пределы парка, пока ее мама ходила за мороженым. Но он уже был на контроле у службы охраны. Его остановили и передали в руки полиции. Теперь вам, Татьяна, уже не кажется подозрительным, что мы так печемся о Варечке?

– Теперь нет.

– Я вас очень прошу, найдите настоящего! И сделайте это как можно быстрее. Адвокат сказал, что в деле все ясно, так что его скоро передадут в суд.

– Я вас поняла.

– Тогда не буду вас больше задерживать. – Усова встала и направилась в прихожую.

Проводив ее, я вернулась в комнату и взяла с журнального столика оставленные клиенткой деньги. Сумма была аж втрое больше! Мне невольно вспомнилось, что Варя бросила найденный конверт с деньгами в почтовый ящик Усовых.

В отличие от нее, я не собиралась бежать вдогонку за Людмилой, дабы возвратить ей сдачу. Раз она решила потратить на поиски настоящего убийцы определенную сумму, так тому и быть. Только бы она не ошибалась в своей соседке и не ввела меня в заблуждение! У меня заочно возникла симпатия к Варе, да и желание Усовых помочь своей соседке мне импонировало.

Стартовая информация для расследования была скудной, поэтому я стала искать в Интернете публикации об убийстве Валерия Кулика. Мне удалось найти лишь пресс-релиз областного УВД. В нем говорилось, что в своем кабинете был найден застреленным генеральный директор одной из строительных фирм нашего города. Подозреваемая в этом убийстве сотрудница фирмы была задержана на месте преступления, и ей назначена психиатрическая экспертиза. Никаких фамилий названо не было, но я знала, что именно в то время был убит Кулик и задержана Котлярова. Правда, в рассказе Усовой о своей соседке не было никакого намека на психические отклонения в поведении последней. Но она не так уж давно и хорошо знала Варю. К сожалению, бывает такое, что рядом живут люди с длинной записью психиатра в медицинской карте, но никто об этом не догадывается, пока не случится обострение.

Мои мысли, отпущенные в свободное плавание, наткнулись на препятствие, стоило только вспомнить о способе

убийства. Директор фирмы «XXI век» был застрелен из пистолета, прямым попаданием в сердце. Непреднамеренным это убийство не назовешь. К такому преступлению надо готовиться – приобрести пистолет и научиться метко стрелять. А главное – нужно иметь мотив. Допустим, месть. Но Варя не была по своей натуре мстительной – она попросила Усовых не увольнять оговорившую ее няньку. На заказное убийство произошедшее тоже не было похоже. Киллеры не остаются на месте преступления и тем более сами не вызывают полицию.

Усова несколько раз подчеркивала, что не верит в виновность своей соседки. Но единственным аргументом в ее защиту было то, что она – святая. Святая, то есть не такая, как все. Так же иногда говорят и про душевно больных людей. Мне не давало покоя, почему Котляровой сразу же была назначена психиатрическая экспертиза. Вероятно, на то были причины.

Я стала искать Варвару Котлярову в соцсетях. В одной из них нашлось три десятка полных тезок интересующей меня девушки. После включения возрастного фильтра список уменьшился примерно вдвое, а после ограничения поиска рамками нашей области осталось только две кандидатуры. Одна из них находилась on-line. Вряд ли в СИЗО была такая возможность. Не теряя времени на изучение этого аккаунта, я закрыла его и зашла в другой. Там в качестве аватарки была использована кошачья мордочка, а статус гласил: «Верю.

Надеюсь. Люблю». По словам Людмилы, ее соседка была верующей, так что эти слова вполне ей подходили. Но стоило мне прокрутить ленту и посмотреть на даты постов и репостов, как стало ясно, что эта Котлярова два-три раза в неделю обязательно заглядывает на свою страничку. В других социальных сетях были зарегистрированы те же две девушки. То ли особа, интересующая меня, не пользовалась соцсетями, то ли она была зарегистрирована там под каким-то другим именем.

Интернет мне не помог добавить штрихи к портрету девушки, подозреваемой в убийстве своего работодателя. Это могли сделать сотрудники фирмы «XXI век», поэтому я поехала на 2-ю Станционную улицу, где располагался ее офис.

Глава 2

Припарковавшись около двухэтажного здания, я стала обходить его по периметру, подмечая кое-какие особенности этого строения. Практически весь первый этаж занимали гаражи, а вот офис располагался на втором. Сообщались ли внутри гаражи с конторой, я пока не знала, но собиралась это выяснить. Правда, пройти в здание оказалось не так-то просто.

– Вы по какому вопросу? – поинтересовался у меня охранник.

– Я веду расследование убийства Валерия Кулика...

– Понятно. – Охранник набрал чей-то номер и сказал: – Алексей Петрович, тут из полиции. Да, по поводу того случая... Хорошо.

– Так я пройду? – спросила я, коснувшись рукой вертушки.

– Подождите, сейчас за вами спустятся, а пока дайте мне ваши документы.

Я покопалась в сумке и достала паспорт.

– А где ваше удостоверение?

– Осталось в форме, – соврала я, чтобы не пускаться ни в какие объяснения.

– Ладно, давайте паспорт.

– Это вы к Шумилу? – спросила меня девушка, возник-

шая по другую сторону турникета.

– Она самая, – ответил за меня охранник. Записав в журнал мои данные, он вернул документ, а затем открыл мне проход.

– Скажите, – обратилась я к своей провожатой, когда мы поднимались по лестнице, – а раньше здесь была такая же строгая пропускная система?

– Я работаю в этой фирме всего две недели, при мне ничего не изменилось, – ответила девушка, и я поняла, что задавать ей какие-то вопросы об убийстве прежнего босса бессмысленно. Она подвела меня к двери, на которой не было никакой таблички. – Вам сюда.

– А чей это кабинет? – уточнила я.

– Шумилова Алексея Петровича, исполняющего обязанности директора, – ответила она и постучалась.

– Да, входите, – сказал мужской голос. Открыв дверь, я увидела лысоватого мужчину, сидящего напротив входа. Он жестом дал понять, что я могу пройти. Когда я расположилась за столом, Шумилов уточнил: – Значит, вы по поводу убийства? Но разве следствие не закончилось?

– Я веду частное расследование, – поправила я.

– Частное? Даже так? – удивился Алексей Петрович. – И кто же вас нанял?

Рассказывать историю о неравнодушных соседях подозреваемой было не к месту. Она неизбежно породила бы массу вопросов. Врать мне тоже не хотелось, поэтому я дала обе-

каемый ответ:

– Я действую в интересах пострадавшей стороны.

– Что вы говорите? – еще больше удивился мой визави. – Я только вчера общался со вдовой, она не говорила мне, что наняла частного детектива.

– А должна была сказать?

– Ну уж скрывать от меня Ольга это точно не стала бы. Валера был моим другом... Частная сыщица, значит, вы, – недоверчиво произнес Шумилов, но доказательств этого не потребовал. – Странно все это, очень странно. Я непременно знал бы, что Оля наняла детектива. Раз я об этом ничего не знаю, значит, вы, милая девушка, работаете на кого-то другого. А хотите я отгадаю, на кого?

– Попробуйте.

– Да тут и гадать особо нечего – на журналистов. Кроме этой пишущей братии, никому трагическая история, произошедшая в этих стенах, уже и не интересна. Видать, они узнали, что скоро суд, вот и решили подпитать почву, заблаговременно вызвав читательский интерес. Им нет никакого дела до чувств родственников и друзей погибшего! Я уже не говорю о том, что любая публикация на эту тему может повредить нашему бизнесу. Вас как зовут? – спросил Шумилов без всякого перехода.

– Татьяна.

– Так вот, Таня, конкретно вас я не осуждаю. Вас попросили выведать какую-то информацию, да что там попроси-

ли! Смею предположить, что вам посулили хорошие деньги, перед которыми вы просто не могли устоять. Это нормально. Бизнес есть бизнес. Только ни вы, ни они не учли одного – здесь вам никто ничего не расскажет. И дело даже не в корпоративной этике. Все, кто здесь работает, восприняли нелепую гибель Валерия Михайловича как свою личную трагедию. А что до той, – исполняющий обязанности директора махнул рукой в сторону двери, – вы не поверите, мне ее даже отчасти жалко. Погубила она ни за что и свою жизнь в том числе...

– Вот-вот, как раз о ней, о Варваре Котляровой, я и хотела с вами поговорить. Почему она это сделала?

– Да кто ж ее знает? – Алексей Петрович провел рукой по лысине. – Полагаю, она даже сама себе этого не сможет объяснить. Секундное помутнение.

– Так уж и секундное? – не поверила я. – Ей надо было раздобыть где-то пистолет, на это нужно время, какие-то криминальные связи, деньги, наконец. Что-то здесь не вяжется, вы не находите?

– Не надо сверлить меня своими красивыми глазками! Я понятия не имею, где и как достать оружие. Может, она просто его нашла и решила им воспользоваться, потому что чертики в голове забегали? У нас, знаете ли, строительная фирма, и медицинских справок при трудоустройстве мы не требуем, хотя надо бы...

– Котлярова работала у вас около года. За ней водились

странности?

– Да за кем они не водятся? Недаром же говорят, что человек считается нормальным, пока не обследовался у психиатра, – сострил приемник Кулика.

– И все-таки вы замечали конкретно за Котляровой какие-то психические отклонения? – допытывалась я.

– Нелюдима она была, хотя как работник – безотказная. Сейчас ведь все грамотные – чуть что, сразу на свои должностные инструкции ссылаются, а то и на Трудовой кодекс. Варя была не такая. Нужно после работы задержаться – пожалуйста, надо в выходные поработать – нет проблем, – вспомнил Алексей Петрович.

– И часто она задерживалась здесь во внерабочее время?

– На моей памяти пару раз. Задерживалась, работала и не роптала. Но правильно говорят, что в тихом омуте черти водятся. Мы все здесь рисковали, все!

– Так уж и все? – недоверчиво произнесла я.

– Ну если Котлярова была того, – Шумилов повертел пальцем у виска, – то все, кто ее окружал, были в зоне риска. А Валера принял удар на себя...

– Но почему именно Кулик стал ее жертвой?

– На этот вопрос ответит официальное следствие. Что-то я с вами разговорился... У меня дел по горло. Пойдемте, я вас провожу. – Хозяин кабинета прытко покинул свое кресло и широким шагом направился к двери. Мне пришлось последовать за ним, хотя я не задала и половины вопросов, ко-

торые держала в своей голове. – Надеюсь, вы уходите отсюда без обид?

– О каких обидах вы говорите?

– Ну как же? Соглашаясь отправиться сюда, вы обнадежили своих друзей-журналистов, а я не удовлетворил ваш интерес, а значит, не дал вам заработать... Не обижайтесь, мне действительно нечего вам сказать. Прошу, – Алексей Петрович пропустил меня вперед, закрыл дверь на ключ и проводил вплоть до вахты, не дав мне возможности задержаться в офисе и поговорить с кем-то еще.

И с чего Шумилов взял, что я собираю информацию для СМИ? Впрочем, он мог быть в этом совсем не уверен, просто ему было так удобней меня выпроводить, выдав минимум информации. Все, что я узнала пока о Варе, никоим образом не нарушало уже сложившегося у меня мнения о ней. Алексей Петрович охарактеризовал ее скорее положительно, чем отрицательно – безотказная, готовая работать сверхурочно. Еще он сказал, что Котлярова была нелюдима, но это не порок. Скорее это – результат того, что в данном коллективе она не смогла найти родственную душу.

Сев в машину, я задумалась о том, что же мне делать дальше. Решение пришло довольно быстро, как результат – руки потянулись в сумку за смартфоном.

– Алло! – ответил на мой звонок Мельников.

– Андрей, привет! Скажи, ты знаком со следователем Рузаевым?

– Это которой из областного комитета?

– А есть другие?

– Я знаю только Александра Ивановича Рузаева. А почему он тебя интересует?

– У него в производстве находится одно дело, я хотела бы узнать подробности...

– Ну ты в своем репертуаре!

– Андрей, ну я же не стану тебе звонить, чтобы узнать прогноз погоды на завтра или курс валют, – пошутила я.

– А зря. Я сейчас как раз сижу за компьютером, могу подсказать, – в том же несерьезном тоне продолжил Мельников.

– Спасибо, не надо. Андрей, помоги мне ознакомиться с материалами дела, – попросила я, убрав из своего голоса шуточные нотки.

– Какого? – нехотя уточнил мой приятель.

– Варвары Котляровой, которая подозревается в убийстве Валерия Кулика.

– А с чего это вдруг тебя убийство двухмесячной давности заинтересовало? Там же все с самого начала было ясно, как дважды два! Одна чокнутая девица застрелила своего босса...

– То есть психиатрическая экспертиза все-таки установила, что она невменяемая?

– Вот этого я не знаю.

– Но ты же сказал, что Котлярова чокнутая, – напомнила я.

– Понимаешь, я сам выезжал на тот труп, он ведь в нашем районе был обнаружен.

– Ну да, «XXI век» на вашей земле находится, – запоздало сообразила я.

– А я о чем тебе говорю? Девушка, которая позвонила в полицию, вела себя совершенно неадекватно... Сразу ясно было, что она своего босса и отправила к праотцам...

– А если поконкретней?

– Это надо было видеть! – Андрей сделал паузу, вероятно, вспоминая подробности. – Приехали мы на вызов. Дедушка-вахтер сидит на входе, попивает чаек и понятия не имеет ни о каком убийстве. Мы поднимаемся с ним на второй этаж, идем в кабинет гендиректора – он в самом дальнем углу здания. Уже на подходе до нас начинают доноситься душераздирающие женские крики. Заходим мы в кабинет и видим рыдающую девушку, стоящую на коленях... Увидев нас, она вскочила на ноги, стала нести какую-то околесицу...

– Какую именно? – уточнила я.

– Ну я все слово в слово не помню... что-то про наказание, кару Божью...

– Наказание? В смысле, Котлярова призналась, что убила босса из мести?

– В том-то и дело, что нет. Она путалась в показаниях – то утверждала, что вернулась в офис по делу и обнаружила труп директора, то признавалась в убийстве, считая при этом жертвой не своего начальника, а себя. Все это сопровожда-

лось громкими рыданиями, молитвами и битьем головой о стену, в прямом смысле этого слова. Было совершенно очевидно, что девушка не в себе.

– А что вахтер говорил?

– Выстрелов он не слышал. Это и понятно, пистолет был с глушителем, лежал на полу около трупa. Но вот что интересно! – Мельников, как полагается, выдержал интригующую паузу. – Вахтер сказал, что в тот день Котлярова ушла с работы минут за сорок до окончания рабочего дня, а вернулась уже ближе к семи, когда все, кроме босса, ушли домой. Он поинтересовался, с чего это вдруг она вернулась. А та сказала, что ее ждет директор. Старик с вахты не стал больше любопытничать и пропустил ее. Похоже, его ничего не удивило и не насторожило.

– Вот оно, значит, как? То есть вернуться в офис, когда там никого, кроме директора, нет, это нормально?

– Во всяком случае, вахтер не слишком удивился ее возвращению. Он сказал нам, что Варя вела себя спокойно... А вот в руках у нее был пакет. Возможно, с оружием... Это я от себя говорю. Максимов в пакет не заглядывал. Короче, первоначальная версия была такой – Котлярова вернулась конкретно за тем, чтобы застрелить Кулика.

– Мотив?

– Да какой у психов мотив? Голос свыше сказал – убей, они и слушаются его. Такие обычно чувствуют себя исполнителями важной миссии и даже ожидают какого-то поощ-

рения за ее выполнение. Но на практике, напротив, их ждет наказание. Похоже, когда все уже произошло, Котлярова поняла это и стала биться головой о стену, причитая о каре небесной.

– Андрей, насколько я поняла, ее сразу задержали?

– Так и есть, – подтвердил мой приятель. – Котлярову было просто необходимо изолировать от общества. Она выглядела опасной для окружающих.

– А как дальше следствие продвигалось, ты в курсе?

– Откуда? Его передали областникам, вот как раз Рузаеву.

– А почему вам не оставили?

– Дело об убийстве директора крупной фирмы, ведущей строительство по всей области, обещало быть резонансным. Обычно такими областной следственный комитет занимается.

– Вот именно – «обещало быть», но не стало, – заметила я. – Никаких публикаций в СМИ, один маленький пресс-релиз, и то без указания имен.

– Значит, так «хорошо» поработала пресс-служба областного СК.

– Андрей, а ты сможешь поинтересоваться подробностями?

– Попробую. А тебя что конкретно интересует?

– Абсолютно все, начиная с прошлого Котляровой. Узнай, где она жила до того, как приехала в Тарасов, – я замолчала, заметив, что из офиса «XXI века» гурьбой выходят его со-

трудники, – а главное – какие имеются доказательства ее вины. Впрочем, меня интересуют любые мелочи, странности, провисы и нестыковки в расследовании. Данные об убитом мне тоже не помешают. Чем больше ты узнаешь, тем лучше. Андрей, и не затягивай с этим, пожалуйста. Извини, я больше не могу говорить.

Убрав телефон в сумку, я вышла из машины и отправилась за сотрудницами строительной фирмы, оторвавшимися от толпы. Догнав трех девушек, я пристроилась за ними и стала прислушиваться к разговору.

– Катя, может быть, ты все-таки с нами?

– Нет, девчонки, я твердо решила перейти на йогурт. Так что сейчас забегу в магазин, куплю бутылочку...

– Ясно, рекламы насмотрелась...

– Да хоть бы и так, – ответила Катерина и вскоре свернула в сторону небольшого продуктового магазинчика.

Я последовала за ней, но в магазин заходить не стала. Она вышла на улицу минут через пять и направилась обратно, в сторону своего офиса.

– Катя! – окликнула я ее.

– Вы мне? – Девушка остановилась, оглянувшись на меня.

– Вы ведь работаете в «XXI веке»? – уточнила я.

– Да, но я что-то вас не помню. Откуда вы знаете мое имя?

– Я шла за вами и случайно услышала, как к вам обращались...

– Шли за мной, но зачем? – насторожилась Катя.

– Не конкретно за вами, а за сотрудниками Вари.

– Какой Вари?

– Котляровой. Это моя двоюродная сестра, – соврала я, решив, что так будет полезнее для дела. – Меня зовут Таня. Я приехала в Тарасов, чтобы выяснить, что произошло, почему она это совершила и совершила ли... Мне удалось пообщаться с Шумиловым, но он ничего толком не сказал. Тогда я решила поговорить с кем-нибудь еще. Катя, вы уделите мне немного времени?

– Ну если только немного, – сотрудница строительной фирмы не заставила себя долго уговаривать.

– Я тут неподалеку видела сквер. Давай там поговорим, – предложила я.

– Хорошо, – согласилась та. – Если честно, то я не верю, что Варька могла убить Кулика. Многие из наших не верят.

– Правда? Ваши слова прямо как бальзам на мою душу. – Я довольно быстро вжилась в роль родственницы подозреваемой.

– Не слишком-то обольщайся. Скорее всего, отвечать придется именно ей. Я слышала, что совсем скоро будет суд. И кроме твоей сестры других подозреваемых нет. Она ведь во всем созналась. Заставили, наверное, – предположила девушка.

– Кто заставил?

– Да что же, ты не знаешь, как это делается? Фильмов не смотришь? – усмехнулась Катя.

– Смотрю, только в жизни, наверное, все по-другому, – я продолжала играть роль наивной провинциалки. – Следствие должно устанавливать истину, а не хватать первого попавшегося и выбивать из него признательные показания всеми правдами и неправдами.

– Вы что там в своем Дольске, все такие? – Катерина посмотрела на меня как на инопланетянку.

– Какие «такие»? – уточнила я.

– Бесхитростные. Вот Варька твоя именно такая была – всем верила, всех защищала, всем помочь старалась. Над ней поначалу здорово прикалывались, пока не привыкли к ее странностям. – Катя села на скамейку.

– Как прикалывались? – спросила я, устроившись рядом с ней.

– Работу свою на нее сбрасывали, денег у нее занимали и не отдавали...

– Много заняли-то? – любопытствовала я.

– Так, по мелочам. Дело не в сумме было, а в ее готовности поверить в любую чушь и помочь. Эту дурацкую привычку огнем выжигать надо было, вот наши и выжигали... Ты только не пойми меня буквально!

– Ну я не такая наивная, как Варя...

– Наивная, вот-вот, это про нее! Нельзя было отпускать ее в Тарасов. Здесь не ваш зачуханный Дольск, здесь люди совсем другие. Здесь тебя подставят, а потом в ресторан пойдут праздновать победу, разумеется, не за свой счет.

– Ну просто серпентарий какой-то! А Варя писала, что коллектив хороший...

– Нормальный коллектив, просто Варя долго вливалась в него.

– Выходит, мою сестру могли с убийством подставить? – перешла я к основному вопросу.

– Я этого не говорила. – Катя открыла сумку и достала бутылочку йогурта. – Ты на меня не обращай внимания, спрашивай, если что-то еще интересует.

– Интересует, – кивнула я. – Расскажи о Валерии Кулике.

– Классный он мужик был! Профессионал! – Катерина сделала несколько глотков. – Валерий Михайлович был весь в работе. Мы его редко видели – он то на объектах пропадал, то встречался с подрядчиками, то в мэрии вопросы решал.

– Успешно?

– Да, мы при нем все тендеры выигрывали...

– У вас, наверное, много конкурентов? – поинтересовалась я.

– Много-мало, я в эти вопросы никогда не вникала, мое дело маленькое – зарплату рассчитывать. – Катя допила йогурт и выбросила бутылку в стоящую рядом урну.

– Она как-то изменилась после смерти Кулика?

– Премий не стало... Мы ведь из-за смерти босса не приняли участие в тендере на застройку нового микрорайона. В тот день как раз его похороны были. Шумилов не смог добиться, чтобы тендер перенесли на другой день.

– Скажи, Катя, а кто его выиграл?

– Есть такая фирма «Дом-дом», но ты, наверное, не знаешь. Ты же из Дольска...

– Может, это как раз конкуренты заказали Кулика? – поделилась я своей догадкой. – Интересно, следствие рассматривало эту версию?

– Поскольку Варька сдуру призналась в убийстве, то могли и не рассматривать. Слушай, у меня обед заканчивается. Я опаздывать не могу, у нас с этим стало очень строго. – Катя поднялась со скамьи.

– Я провожу.

– Ну пойдем! Знаешь, при Кулике было проще, для него главным был результат, он за опозданиями не следил. А Шумилов просто помешан на дисциплине. У нас офис стал каким-то режимным предприятием – камер везде поставили, вахтеров на вооруженных чоповцев поменяли, ввели электронные пропуска. По-моему, у Алексея Петровича мания – он опасается, как бы и его не пристрелили на рабочем месте.

– А что, у вас в коллективе есть еще такие же чокнутые, как и моя сестра? – провокационно осведомилась я.

– Это ты сейчас к чему клонишь? – удивилась Катерина.

– Шумилов пытался убедить меня, что Варя больная на всю голову, что она могла застрелить любого сотрудника фирмы, но не повезло именно вашему боссу. Моя сестра за решеткой, кого же ему опасаться?

– Не знаю, действительно неувязочка какая-то...

– Скажи, а если с Шумиловым что-то случится, кто займет директорское кресло?

– Понятия не имею! Алексей Петрович там тоже временно. Какой из него руководитель? Он же снабженец, не более того. Скоро должен из-за границы приехать владелец фирмы, собрать Совет директоров, вот там и решится, кто будет нами руководить.

– Ваш владелец – иностранец?

– Нет, он русский, раньше в Тарасове жил, разбогател здесь и уехал за границу. Он даже на похороны Кулика не приехал, только прислал по электронке письмо с соболезнованиями.

– Откуда?

– Из Черногории. Даже не знаю, почему Скачков именно Шумилова назначил исполняющим обязанности. Тот и сам не ожидал.

– А он действительно дружил с Куликом? – уточнила я.

– Ну не знаю, я слышала, что они вместе в институте учились, но чтоб сильно дружили, этого я не замечала. Да они совершенно разные по характеру и интересам. Валерий Михайлович, насколько мне известно, в свободное от работы время играл в теннис. Шумилов вообще никаким спортом не занимается. Ну ты же его видела – увалень увальнем. А вот Кулик был подтянутым...

– А как насчет женщин? – поинтересовалась я.

– Ты сейчас про кого: про Кулика или Шумилова?

– Да про обоих.

– У Валерия Михайловича жена-красавица, двое детей – сын и дочь. Словом, идеальная семья. Была... Не знаю, как его родные это горе пережили. – Катя выдержала небольшую паузу. – А вот Шумилов в разводе. Он пытался заводить какие-то служебные романчики, но безрезультатно. Между прочим, он к твоей Варьке тоже клинья подбивал...

– Да ты что!

– Да, это было на корпоративе. Там твоя сестра проявила себя, спев караоке. У нее, оказывается, такой голос!

– Да, петь она умеет, – пришлось подтвердить мне.

– Там сразу двое на нее глаз положили – прораб один и вот Шумилов. Он тогда был замом по снабжению. Ну Алексею Михайловичу Варя сразу дала понять, что ему ничего не светит. А вот Тамбовцева она стала манежить.

– Варя? Манежить? – недоверчиво переспросила я.

– Так и есть. Прорабы, они ведь все время на стройках пропадают, а Васька так и искал разный повод заскочить в офис. И не с пустыми руками – то шоколадку ей принесет, то мягкую игрушку. Другая на ее месте растаяла бы, а она была как камень. Мы ее спрашивали, нравится ли ей Василий. Она сказала, что ее сердце отдано другому. Он вроде в Дольске. – Катя вопросительно взглянула на меня.

– Да, был у нее парень, первая любовь, – импровизировала я.

– Вот-вот. Она нам тоже что-то вроде этого сказала. Светка Уфимцева, которая сама не прочь была закрутить романчик с Тамбовцевым, спросила у Варьки, почему она не даст ему от ворот поворот, если любит другого. Знаешь, что твоя сестра ей ответила? – Я пожалала плечами, не найдя подходящего ответа. – Ей, видишь ли, сердце подсказывало, что у Василия к ней серьезное чувство, а любовь убивать нельзя. Как тебе это нравится?

– Что, Варя прямо так и сказала?

– Да, именно так и сказала: «Любовь убивать нельзя». – Катя остановилась, сделав умное лицо.

– Ты сейчас подумала о том же, о чем и я? – спросила я у нее.

– Не знаю, о чем подумала ты, но я задала себе вопрос, могла ли Варя, вся такая донельзя правильная, убить человека.

– Вот и я о том же...

– Не могла, ее определенно подставили, – убежденно заявила Катерина.

– Кто?

– А вот этого я не знаю.

– Катя, мне еще так о многом надо с тобой поговорить! Мы можем с тобой после работы встретиться? – спросила я.

– Извини, но вечером у меня личная жизнь, – вежливо отказала мне Катерина.

– Может, ты тогда номер своего телефона мне дашь?

– Это еще зачем? – удивилась Наташа.

– Вдруг мне понадобится кое-что уточнить.

– Вот, возьми мою визитку. Звони, чем могу, помогу. Знаешь, а я даже была бы рада, если окажется, что Варька ни при чем. Она, в сущности, хорошая девчонка, не вредная. Мы могли бы с ней подружиться. При всех ее странностях был у нее какой-то полюс притягательности. Жаль, если ее посадят. Ладно, Таня, удачи тебе! – Катерина быстрой походкой направилась ко входу в здание. У нее осталось всего пару минут, чтобы вернуться с обеда без опоздания.

Меня порадовала мысль, что есть еще хотя бы один человек, кроме Усовых, который не верит в Варину виновность – бухгалтер фирмы, в офисе которой произошло убийство. По словам Катерины, многие сотрудники были того же мнения, но мне пока не довелось с ними пообщаться. У Кати имелся и оппонент – исполняющий обязанности директора. Шумилов не сомневался, что следствие на верном пути. При этом он положительно отзывался о Котляровой, а Катерина, наоборот, считала ее наивной дурочкой. Алексей Петрович упоминал о какой-то сверхурочной работе, на которую охотно соглашалась Варя. А Катя проболталась, что Варвару то и дело как-то разыгрывали, пытаясь научить ее жизни. Так и просился вывод, что в тот злополучный день Котлярову втянули в самый большой и жестокий розыгрыш...

Варя ушла с работы минут за сорок до окончания рабо-

чего дня, а через час с небольшим снова вернулась в офис, сказав вахтеру, что ее ждет Кулик. Она поднялась на второй этаж и... либо убила директора, либо обнаружила его труп. Вахтер заверил опергруппу, что в здании оставался только он и директор, когда Варя туда вернулась. Но даже если ключи от всех кабинетов были сданы на вахту, это не означает, что все сотрудники, да и посетители, ушли. Кто-то мог остаться, застрелить Кулика из пистолета с глушителем, а потом уйти, но не через основной вход, а, например, вылезти в окно. Как выяснилось, раньше не было камер видеонаблюдения, в здание пускали всех подряд, не требуя показать документы. Можно сказать, что были идеальные условия для убийства.

Став исполняющим обязанности директора, Шумилов усилил охрану. То ли он не верил, что Кулика застрелила именно Котлярова, и боялся повторения трагедии. То ли он просто не знал, чем еще заняться, сев в директорское кресло. Катя говорила, что Алексей Петрович силен только в вопросах снабжения, а в строительном бизнесе мало что понимает. Надо же чем-то заниматься! Вот он и сосредоточился на вопросах безопасности и дисциплины.

Мои мысли плавно перетекли с и.о. директора на вахтера. Теоретически тот имел возможность убить директора, но почему-то остался вне подозрений...

Сигнал смартфона прервал стройную цепь моих размышлений.

– Да, Андрей, слушаю тебя.

– Ну что, Таня, дело Котляровой, считай, закрыто. Суд назначен на понедельник. Ей не отвертеться от реального срока, так что ты можешь не суетиться.

– Мне не только суетиться, мне волчком надо вертеться! Девчонку скорее всего подставили...

– Погоди, я думал, тебя наняли родственники убитого, чтобы подозреваемая не слетела с крючка. А ты, оказывается, на стороне Котляровой? – удивился Мельников.

– Я на стороне истины. И у меня есть сомнения, что Варя убийца. Андрей, скажи, а вы здание тогда хорошо осмотрели?

– Как полагается.

– Ничего подозрительного не заметили?

– Ничего. Двери во все кабинеты были закрыты, в туалете – никого.

– Андрей, ты меня удивляешь! А если в каком-нибудь кабинете, за закрытыми дверями, сидел убийца?

– Вахтер Максимов утверждал, что у него фотографическая память на лица, и он ручался за то, что кроме директора в офисе никого не осталось, – скучным голосом констатировал Мельников.

– А как насчет самого Максимова? Может, это он застрелил Кулика?

– У него алиби. Вахтер на момент убийства был в Интернете.

– Я тебя умоляю! Он мог подключиться к Интернету, подняться наверх и сделать свое черное дело, – предположила я.

– Не мог. Мне сегодня сказали, что показания Максимова проверяли, и они подтвердились. А показал вахтер, что, как только все сотрудники покинули офис, он стал искать в интернет-магазинах рыболовные снасти, переходил с сайта на сайт, нашел самое выгодное предложение и оформил заказ... Так что на момент убийства он сидел за служебным компьютером, который стоял на вахте.

– Допустим, Максимов оставался на своем рабочем месте, но он мог пустить в офис сообщника.

– Таня, почему ты не хочешь поверить в то, что Котлярова виновна в убийстве Кулика? Во-первых, она сама в этом призналась. Во-вторых, на пистолете были ее отпечатки пальцев. В-третьих, у нее был мотив... Не за то ты, Таня, взялась дело, не за то!

– А какой у Вари был мотив? – поинтересовалась я.

– Там такое... – щелкнул языком Мельников, интригуя меня. – Я обещал, что никому об этом не расскажу. Просто поверь мне на слово, искать другого убийцу – терять время. Это – Котлярова!

– Андрей, неужели ты всерьез думаешь, что я, не услышав ни одного веского довода, поверю, что глубоко верующая, незлопамятная и даже в какой-то степени наивная девушка убила человека, да еще и преднамеренно?

– Могла бы мне и поверить. Мы с тобой не один год знако-

мы. Если я говорю, что ее вина доказана, значит, так и есть!

– И все-таки мне нужны подробности! – настаивала я.

– У меня сейчас планерка, это минут на тридцать-сорок. Подъезжай к райотделу, так и быть, после совещания я к тебе выйду. Поговорим в твоей машине. – Мельников отключился.

Доехать до места можно было минут за десять. Сидеть в машине и поглядывать на вход, мучаясь при этом догадками, мне не хотелось. Гораздо приятнее было испытывать муки неведения в уютном зале моей любимой кофейни, которая находилась примерно на полпути от офиса фирмы «XXI век» до Октябрьского РОВД. Туда я и поехала. Заказав чашечку эспresso, я попыталась отгадать, что могло заставить Котлярову стрелять в своего босса, но в голову ничего путного не шло. Да и к чему было напрягать свой мыслительный аппарат, если через каких-то полчаса все и так станет известно!

– Привет! – сказал Мельников, подсев в салон моего авто. – Скажу тебе честно, я обещал Рузаеву, что не стану распространять информацию, которой он со мной поделился. Александр Иванович и мне ничего не сказал бы, если бы ему не понадобилась одна услуга с моей стороны...

– Какая услуга?

– Это наши с ним дела, – ушел от прямого ответа Андрей. – А что касается Котляровой, то она застрелила дирек-

тора, потому что... тот склонял ее к сексу, причем, со слов подозреваемой, в извращенном виде...

– Неожиданно, – сказала я, пытаюсь осмыслить услышанное. – Но где же она взяла пистолет?

– Это был пистолет самого Кулика. Он достал его из сейфа и наставил на Варю, приказав раздеться. Ну такая ролевая игра, понимаешь? – Андрей усмехнулся. – Короче, Варя воспользовалась моментом, когда босс положил пистолет на стол, схватила его и выстрелила...

– А пистолет был зарегистрирован на Кулика? – уточнила я.

– Нет.

– И тебе не кажется странным, что директор фирмы держит у себя в сейфе незарегистрированный пистолет с глушителем, чтобы принуждать своих сотрудниц к сексу?

– Таня, каждый человек имеет право на свои странности. Кулик за свои уже поплатился. Девчонку, конечно, жалко, но...

– Я не верю, – закачала я головой. – Одна из сотрудниц фирмы характеризовала Валерия Михайловича как примерного семьянина... Скажи, а что-то указывало на то, что директор предавался на работе любовным утехам?

– Ну а что может на это указывать?

– Андрей, ты же выезжал на труп... Может, он был раздет? Или же на Варе была порвана одежда?

– Нет, на трупе был костюм. Подозреваемая была одета

во что-то серенькое. – Андрей задумался. – Нет, ничего не было порвано.

– А не было ли в кабинете каких-нибудь товаров из секс-шопа?

– Никаких «игрушек для взрослых» я там не видел... Рузаев сказал мне, что на следственном эксперименте Котлярова четко показала, где кто стоял, что делал, а главное – как она взяла со стола пистолет, сняла его с предохранителя и выстрелила. У следствия нет сомнений, что все именно так и было.

– А что показала психиатрическая экспертиза?

– Котлярова вменяемая.

– А ты утверждал обратное, – напомнила я.

– Ошибался. Я же не психиатр.

– Знаешь, Андрей, ты все равно меня ни в чем не убедил.

– А вот я Рузаеву поверил. Он был очень убедителен, особенно когда просил не распространяться о том, что побудило Котлярову взяться за пистолет. Каким бы извращенцем не был Кулик, у него осталась вдова, педагог по профессии, несовершеннолетние дети. Им дальше надо как-то жить... Понимаешь?

– Понимаю, все это неприятно, но, в конце концов, они могут сменить фамилию, место жительства, а вот если Варвару несправедливо осудят, то с этим уже ничего не поделаешь.

– Таня, поверь мне, это не твое дело. Если Котляровой

кто-то и может как-то помочь, то только ее адвокат.

– В том-то и дело, что ей не повезло с госзащитником! Он молод, не мотивирован...

– А как его фамилия? – поинтересовался мой приятель.

– Суворов.

– Кирилл?

Я достала из сумки визитку и, взглянув на нее, подтвердила:

– Да, Кирилл.

– Ну а что? – пожал плечами Андрей. – Это как раз для него дело...

– То есть ты с ним знаком?

– Кирюха был у нас в отделе на практике, когда учился в институте. Правда, получив диплом, он пошел не в полицию, а в адвокатуру. Но это его выбор...

– А Суворов вообще толковый?

– Толковый, но пока у него еще не было дела, на котором он мог бы раскрыться. Думаю, с Котляровой ему в некоторой степени повезло – та во всем призналась. Так что она в любом случае получит минимальный срок, и это будет для Кирилла маленькой, но победой.

– А если Варя не виновна, какая уж тут победа!

– Вот! Ты уже говоришь «если».

– Не придирайся к словам. Лучше скажи, а у Рузаева совсем-совсем не было других версий?

– Вахтера для порядка проверяли. Но я про него тебе уже

говорил...

– Меня покупка рыболовных снастей через интернет-магазин ни в чем не убедила.

Андрей оставил мое замечание без внимания, ударившись в риторику:

– Сидела бы Котлярова в своем Дольске, и все у нее было бы хорошо. Вот что ее сюда принесло?

– Варя сказала соседям, что там проблемы с работой. Кстати, ты ее дольский адрес узнал?

– Я так и думал, что ты останешься при своем мнении, дотошная ты моя! Держи. – Мельников вынул из кармана и подал мне сложенный вчетверо лист бумаги. – Там есть кое-какая информация. Все, что успел...

– Спасибо, – поблагодарила я, разворачивая листок.

– Ну я пойду, поработаю. – Андрей открыл дверцу.

– Да, не буду тебя больше задерживать, – сказала я, уткнувшись в распечатку.

Информации было немного: два адреса, один – тарасовский (семьи Кулик), второй – дольский (родственников Котляровой), а также номер мобильного телефона Варвары с детализацией звонков за месяц до убийства. Мне сразу бросилось в глаза, как мало Варя общалась по телефону. За тридцать дней было всего семь звонков, причем в шести случаях из этих семи она разговаривала с одним и тем же абонентом. Три раза звонил он ей, три раза – она ему. Был еще один входящий звонок, все остальное – рекламные эсэмэски. Я не

смогла удержаться от того, чтобы сразу не набрать тот часто встречающийся номер мобильного телефона.

– Алло, – настороженно ответил женский голос.

– Здравствуйте! А мне бы Наташу, – сказала я первое, что пришло мне в голову.

– Вы, наверное, ошиблись номером.

– Странно. А куда я попала?

– Ну это мой личный номер... Погодите, а вы случайно не насчет нот звоните? Это не у вас мы с Наташей Паниной заказывали партитуры? Я Нина, Нина Котлярова...

– Ах, Нина! Сестра Вари? – уточнила я, вспомнив, что Усова слышала разговор своей соседки с сестренкой, которую именно так и звали.

– Да, у меня есть сестра Варя, – подтвердила девушка и после некоторой паузы добавила: – Но она куда-то пропала. Я почти два месяца не могу до нее дозвониться. Вы знаете, почему она не отвечает на мои звонки?

– Догадываюсь, – ответила я, обескураженная тем, что Нина не в курсе произошедшего.

– И почему же?

– Дело в том, что Варя попала в одну очень неприятную историю, – смягчила я, как могла, серьезность ситуации.

– Опять! Да сколько же можно! – стала сокрушаться Нина. – Бедная Варечка! Почему-то неприятности к ней так и липнут... А вы, простите, откуда знаете мою сестру? И зачем мне звоните? Это Варя вас попросила?

Вопросов было много, но ни на один из них я не могла ответить прямолинейно. Похоже, дольские родственники понятия не имели, что Варвара обвиняется в убийстве, и сообщать им об этом по телефону было как-то некорректно.

– Нет, сама Варвара меня об этом не просила...

– Погодите, она здорова? Почему ее телефон отключен? Почему она сама мне не звонит? – В голосе моей собеседницы слышалась неподдельная тревога.

– Она не может.

– Но почему? Она в больнице? Без сознания? – Нина пыталась наводящими вопросами выяснить, что случилось с ее сестрой.

– Нет, она не в больнице, но позвонить вам у нее нет возможности. Нина, а вы или кто-то из ваших родственников могли бы приехать в Тарасов?

– Неужели Варечку ограбили, и у нее нет денег даже на коротенький звонок? – предположила вдруг моя телефонная собеседница.

– Нет, ее не ограбили.

– А что же тогда? Я даже не знаю, что еще подумать...

– Мы все с вами обсудим, но при личной встрече. Так вы сможете приехать в Тарасов?

– В Тарасов? Пожалуй, меня не отпустят одну.

– А ваши родители?

– Нет! – ни секунды не раздумывая, выдала Нина. – Они точно никуда не поедут! Я просто не смогу им ничего объ-

яснить. Да я и сама не знаю, кто вы такая? Что вас связывает с моей сестрой?

– Зовут меня Татьяна. С Варварой у меня есть одна общая знакомая... Она хочет помочь вашей сестре решить ее проблемы, впрочем, как и я...

– А вы меня не обманываете? – с едва ли не детской непосредственностью уточнила Нина.

– Нет.

– А почему вы мне тогда ничего толком не говорите?

– Нина, простите, а сколько вам лет? – поинтересовалась я. По голосу я дала бы ей лет двадцать, но вот реплика о том, что ее не отпустят в Тарасов одну, заставила меня предположить, что я говорю с подростком.

– Семнадцать, а что?

– Ну вот, вы еще несовершеннолетняя, а я хотела бы поговорить с кем-нибудь из взрослых членов вашей семьи.

– Похоже, вы ничего не знаете, – с какой-то обреченностью проговорила Котлярова-младшая!

– Наверное, – не стала оспаривать я этот факт.

– Если Варя ничего не рассказывала о семье, значит, она не считала нужным. Скажите, чем я могу ей помочь?

– Информацией. Насколько я успела понять из разговора с вами, Варя уже не первый раз попадает в сложные ситуации. Быть может, причину ее нынешней... проблемы надо искать в Дольске?

– Не знаю, вряд ли, хотя... – растерянно лепетала Нина.

После небольшой паузы она спросила: – Татьяна, а вы сами сюда приехать можете?

– Могу, – сказала я, почувствовав, Нине есть что мне рассказать.

– А когда вы приедете?

– Пожалуй, я не буду с этим затягивать, поэтому завтра же поеду в Дольск. Если выехать рано утром, то часам к десяти-одиннадцати, – размышляла я вслух, – можно добраться до места. Где мы пересечемся?

– Знаете что, вы, как приедете, позвоните мне. Я просто сейчас не знаю, где буду находиться...

– Хорошо, так и поступим. До завтра. – Я отключила связь и наконец-то завела двигатель.

Вечером, за чашечкой кофе, я подводила итог первого дня расследования. Вопреки ожиданиям моей клиентки, я допускала, что ее благочестивая соседка могла нажать на курок пистолета, защищаясь от сексуально озабоченного босса. Но у меня была и другая версия. Ее суть сводилась к тому, что Котлярова стала жертвой очередного розыгрыша. Если все было обставлено так, что подозрения падали именно на нее, то, с подачи госзащитника, ей целесообразней было признаться в убийстве, чем все отрицать. Но что означали тогда Варины причитания о возмездии и каре небесной? Может, не стоит всерьез относиться к этим словам? Чего только люди не говорят в состоянии аффекта! Или в жизни Котляровой было то, за что ее могло ожидать наказание? Нина про-

говорила, что ее сестра уже не в первый раз попадает в какие-то сложные ситуации. Возможно, что за Варей потянулся криминальный шлейф из ее родного города. Мне необходимо было это проверить.

Глава 3

В начале одиннадцатого я миновала указатель с надписью «Дольск». Прежде чем позвонить Нине, я решила самостоятельно что-нибудь разведать о семье Котляровой. Благодаря навигатору мне без труда удалось найти дом, в котором была прописана Варвара. Проезжая мимо него, я заметила в палисаднике православного священника. Пока я парковалась, он скрылся за дверью дома. Из соседней калитки вышла пожилая женщина, и я обратилась к ней через открытое окно:

– Здравствуйте!

– И вам доброго здоровья! – откликнулась она.

– Я видела, что туда, – я кивнула в котляровского дома, – священник зашел. У них случилось что-то?

– Ничего не случилось. Отец Пахомий частенько там бывает. Сам ведь Сергей Николаевич тоже при храме работает, охранником. А вы что хотели-то?

– Да я в гости приехала, без приглашения, а тут подумала, вдруг им не до меня...

– В гости? К Котляровым? – удивилась соседка. – А кто ж такая ты будешь?

– Я подруга Варвары.

Бабуля взглянула на меня так, будто я произнесла имя самого дьявола. Перекрестившись, она пошла своей дорогой. Если информация о том, что Варя обвиняется в убийстве,

докатилась до жителей этого городка, то почему Нине ничего об этом не известно? Или Варвара и здесь что-то натворила, перед тем как уехать в Тарасов?

Выйдя из машины и оглядевшись по сторонам, я увидела женщину, копающуюся в огороде. Когда я подошла к невысокой изгороди, обвитой декоративным вьюном, она заметила меня и, выпрямившись, поинтересовалась:

– Ищете кого?

– Да. Скажите, там, – я махнула рукой на дом № 17, – Котляровы живут?

– Они самые, – подтвердила их соседка.

– Я слышала, они дом продают, – сказала я первое, что пришло в голову, лишь бы продолжить разговор.

– Ничего не слышала об этом! Это куда же они переезжать собрались, к Матвею, что ли?

– А Матвей – это...

– Старший сын Котляровых, правда, теперь к нему не иначе как отец Матвей обращаться надо. Он – священник, у него свой приход в соседнем районе. Да это и не удивительно! Котляровы глубоко верующие... Вообще-то у них пять детей. Но сейчас с ними двое осталось, Нина и Петя. Оля, старшая дочь, уже лет десять как замужем. Нина в музыкальном училище учится, а Петя – в школе... Значит, они переезжать собрались... Вот так новость!

– Вы сказали, что у них пять детей, а упомянули только о четверых. А кто же пятый? – простодушно поинтересовалась

я.

– Пятая, – поправила меня женщина, но распространяться о Варе не стала. – И за сколько же они дом продают?

– Окончательную цену мы еще не обсуждали. Дом посмотреть надо...

– Ну, да, конечно, – согласилась со мной незнакомка. Взглянув куда-то за мою спину, она сказала: – А вон и Нина идет. В магазин, наверное, ходила. Трудолюбивая девочка, родителям помогает...

Я оглянулась и увидела девушку в цветастой юбке в пол и светлой кофточке с коротким рукавом. Попрощавшись с ее соседкой, я окликнула Нину, которая уже открывала калитку.

– Это вы вчера звонили? – уточнила она.

– Да, я.

– Но вы же сначала позвонить обещали. – Нина с опаской оглянулась на дом.

– Я собиралась тебе, – учитывая юный возраст своей собеседницы, я перешла на «ты», – позвонить, но тут смотрю – ты идешь...

– Значит, вы адрес наш знаете... Татьяна, а вы не обидитесь, если я не приглашу вас в дом?

– Я и сама хотела предложить поговорить в другом месте. Тем более у вас гости. Я видела, что к вам священник зашел.

– Отец Пахомий у нас? Спасибо, что предупредили. Татьяна, мне надо отнести продукты домой. Вы подождите ме-

ня, пожалуйста, только не здесь, – попросила моя собеседница. – У нас все не просто...

– Хорошо, я проеду вверх по улице. Найдешь мою машину, – я кивнула в сторону своего «Ситроена».

– Обязательно, только могу немного задержаться. Вы ведь не уедете, не рассказав мне про Варю? – забеспокоилась девушка.

– Не волнуйся, я тебя дождусь.

Нина вошла в калитку, а я села в машину, проехала по улице почти квартал, пока не нашла подходящее место для парковки.

То, что Варя была из многодетной глубоко верующей семьи, многое объясняло в ее образе жизни. Многое, но далеко не все. У меня создалось впечатление, что она еще до своего отъезда в Тарасов совершила здесь нечто из ряда вон выходящее. Одна женщина при упоминании ее имени сразу же поспешила свернуть общение со мной, а вторая коротко рассказала обо всех детях Котляровых, кроме Вари. Нина не захотела приглашать меня в дом, еще даже не зная, что там находится отец Пахомий. Да и вчера по телефону она дала мне понять, что с другими родственниками мне лучше не разговаривать о Варе.

Наконец, я увидела в зеркало заднего вида Нину.

– Вот и я. Так что с Варей случилось? – подсев в салон моего авто, сразу же поинтересовалась она.

– Ее подозревают в серьезном преступлении, – медленно

проговорила я.

– В каком преступлении? – не на шутку встревожилась девушка.

– Серьезном, очень серьезном. – У меня язык не поворачивался сказать этой совсем еще юной барышне, что речь идет об убийстве.

Возникла небольшая пауза, которую прервала Нина, спросив:

– Татьяна, а вот та общая с Варечкой знакомая, про которую вы мне вчера говорили по телефону, это кто?

– Людмила Усова, ее соседка по съемной квартире.

– Это у которой дочка Дашенька? – проявила свою осведомленность Нина.

– Да, – подтвердила я.

– Варя мне рассказывала, что она подружилась с соседями. Они даже с ней дочку оставляли.

– Нина, если я правильно поняла, то кроме тебя Варя больше ни с кем из своих родственников не общалась?

Девушку мой вопрос смутил. Какое-то время она сидела, склонив голову вниз, потом все-таки заговорила:

– Еще с Петей, это наш младший брат.

– Я так полагаю, здесь что-то произошло такое, что заставило твою сестру уехать из родного города?

– Произошло, но это длинная и очень грустная история. Я не думаю, что она имеет какое-то отношение к настоящему. Лучше вы расскажите, в каком преступлении обвиняют

Варю. Я заранее знаю, что она ничего противозаконного совершить не могла, просто моя сестренка очень невезучая. Неприятности к ней так и липнут.

– Знаешь, в Тарасове тоже многие не верят в то, что она виновата, и считают, что ее подставили. Но кто и почему – не ясно. Я приехала сюда, чтобы выяснить, не тянется ли за Варей какой-нибудь хвост из Дольска.

– Будьте уверены, Варино прошлое тут совсем ни при чем! – Котлярова-младшая в очередной раз дала мне понять, что не собирается рассказывать мне подробности того, почему ее средняя сестра уехала из родного города.

Вот уж не думала, что у этой хрупкой семнадцатилетней девчушки такой твердый характер!

– А вот здешние соседи не жалуют Варю. Хотелось бы знать почему?

Вместо ответа Нина уставилась вдаль сквозь лобовое стекло, плотно сжав губы. Мне стало ясно, она не станет откровенничать, пока не убедится, что рассказ о прошлом сестры не навредит ей. Не в моих интересах было давить на девушку, ведь она могла обидеться, выйти из машины, и тогда пришлось бы искать другого человека, который проявил бы передо мной белые пятна биографии Варвары Котляровой. А в этом городке, похоже, на ее имени стояло табу. Молчание слишком затянулось, и я решилась-таки сказать суровую правду:

– Варвару обвиняют в убийстве директора фирмы, в ко-

торой она работала.

– В убийстве? Я не ослышалась? – Девушка устремила на меня испуганный взгляд. Я кивнула, подтверждая, что все так и есть. – Теперь понятно, что с родителями происходит. Месяца два назад к нам пришел участковый и стал спрашивать про Варю. Мама отправила нас с Петькой на улицу. Мы вернулись, когда он ушел. У мамы были глаза красные от слез, а папа молился, долго молился, почти всю ночь. Мы с Петькой поняли, с Варей случилось что-то очень плохое. Как мы ни спрашивали родителей, что именно, они упорно молчали. А вот Ольге, нашей самой старшей сестре, они, похоже, все рассказали. Я и у нее выспрашивала, что же произошло. Она ответила, что мне лучше об этом не знать. Варечка перестала отвечать на мои звонки. Я очень за нее беспокоилась, но мне даже в самом страшном сне не могло присниться такое...

– Скажи, Нина, а Варя тебе что-нибудь рассказывала о Валерии Михайловиче Кулике, директоре строительной фирмы, в которой она работала?

– Ну так, совсем немного. Скорее она просто упоминала о нем, причем только положительно.

– А про кого она еще рассказывала?

– Про Васю, прораба. Он в нее влюблен.

– Но Варе прораб не нравился?

– Как раз наоборот, очень даже нравился. Только... – Нина начала было говорить, но осеклась. – Вообще, там все не

просто.

– А в чем сложность-то? У твоей сестры здесь есть парень? – предположила я.

– Нет. Уже нет, – с каким-то трагизмом произнесла Нина, но вдаваться в подробности личной жизни своей сестры не стала.

– Сейчас нет, но был... Так, может, это он Варю подставил? Из ревности или по какой-то другой причине?

– Не мог он подставить, – возразила Нина, причем так уверенно, что я не стала дальше развивать эту тему.

– Ладно, я не настаиваю на этом. Скажи, а Варя случайно не рассказывала тебе о своих тарасовских проблемах?

– Да не было у нее в последнее время проблем в Тарасове! Наоборот, жизнь там стала налаживаться...

– В каком плане?

– У нее наконец-то появилась стабильная работа, финансовая независимость. – При этих словах мне вспомнился вклад на тридцать тысяч рублей. – Варя столько шла к этому! Поверьте мне, моя сестренка не могла все это разрушить.

– Я верю, иначе бы не взялась ей помогать.

– А вам зачем это надо? – вдруг поинтересовалась Нина.

– Это моя работа. Я – частный детектив.

– А почему вы сразу мне об этом не сказали?

– Не решилась.

– Вам, наверное, заплатить надо. У меня есть свои сбережения, но совсем немного...

– Нет-нет, мои услуги уже оплачены.

– Кем?

– Усовыми. Это благодарность за то, что Варя нашла их потерявшуюся дочку.

– Я знаю ту историю, – кивнула Нина. – Наверное, они очень хорошие люди... Скажите, Татьяна, а есть хоть какой-то шанс, что Варю отпустят?

– Конечно, есть.

– Варенька не могла никого убить. Убийство – это смертный грех... И потом, ей в тюрьму никак нельзя...

– Это почему же?

– Потому что ей есть ради кого оставаться на свободе...

– И ради кого же?

– Ради сына, – после долгой паузы все-таки призналась моя собеседница.

– У Вари есть сын? – удивилась я.

– Да, Тимурчик, ему два с половиной годика.

– И где же мальчик?

– Ладно, я расскажу вам все с самого начала. Иначе вы ничего не поймете. – Нина какое-то время собиралась с мыслями, потом заговорила: – Варя и Рустам учились вместе в кулинарном колледже. Так случилось, что они полюбили друг друга. И на последнем курсе Варя забеременела. У нее такой токсокоз был на раннем сроке, что мама сразу обо всем догадалась и стала расспрашивать, кто отец будущего ребенка. Когда же она узнала, что Рустам, расплакалась. Он ведь дру-

гой веры, значит, ни о каком венчании не могло быть и речи. Понимаете, наши родители очень верующие люди и нас с детства учили почитать все христианские каноны. Старший брат Матвей стал священником, старшая сестра Ольга шьет одежду для священнослужителей, папа тоже при церкви, он охранник в Воскресенском соборе, а я там в хоре пою. В общем, наша жизнь должна быть примером для всех. А тут такой позор! Скрывать беременность от отца долго не получилось. Он как узнал о том, что Варя ждет ребенка, вышел из себя. Я никогда до этого не видела его в таком гневе. Потом они с матерью долго совещались, в результате у них возникло решение, которое Варю, да и меня, шокировало... До меня его тоже довели, чтобы я не повторяла ошибок сестры.

– Что это было за решение? – подтолкнула я Нину к дальнейшим откровениям.

– Папа сказал, что ребенок – это дар Божий. Раз ему суждено появиться на свет, он появится, хоть и вне брака, освященного церковью. Только Варя должна будет отправиться в монастырь, навсегда.

– А ребенок?

– Малыша наши родители собирались воспитывать как своего собственного, то есть мой племянник был бы мне как брат.

– И что же Варя?

– Ее такой расклад, разумеется, не устраивал. Она очень любила Рустама, а тот – ее, они пожениться собирались. Его

родители были не против того, чтобы они расписались в ЗАГСе. Рафиковы хоть и мусульмане, но вели светский образ жизни, и их совершенно не смущало, что их будущая невестка православная христианка. А вот наш отец не желал, чтобы Варя вышла замуж за человека другой веры. Для него государственная регистрация брака вообще мало что значит, главное – это венчание. А с Рустамом повенчаться было невозможно. В общем, Варю посадили дома на ключ, отобрали у нее ноутбук, мобильник и на четвертом месяце беременности собирались отвезти к родственникам в соседний район, чтобы здесь никто ничего не узнал. О том, что она диплом не получит, отца не волновало – в монастырь и без него сестру приняли бы.

– Жестоко, – высказалась я.

– Нас в семье пятеро, и воспитывали всех родители одинаково – в строгости. Наши сверстники гуляли после школы, ходили в кино, а мы читали псалтырь, учили молитвы. Одноклассники в гости приглашают, а пойти порой нельзя – пост. Нет, конечно, пойти можно, но все подряд есть нельзя. Иногда бывает так, что постных блюд на столе вообще нет, даже вместо хлеба – готовые бутерброды. Что делать? Грешить или становиться предметом насмешек? Вот Матвей с Ольгой никогда не роптали. Они полностью оправдали надежды наших родителей. А Варя с детства имела свое собственное мнение, отличное от родительского. Она носила облегающие брючки, короткие юбки, маечки на бретельках. Из дома вы-

ходила в одной одежде, а потом у подружек переодевалась в другую и шла в школу.

– Где же она брала откровенные наряды?

– В основном перешивала, и это так ловко у нее получалось! Если бы вы видели платье, которое она сшила для школьного конкурса красоты! Между прочим, Варенька в нем стала вице-мисс нашей школы! А вообще-то она мечтала стать модельером. Правда, в Дольске можно только выучиться на швею-мотористку или закройщицу. Но швея в нашей семье уже есть – Ольга. Родители решили, что Варе надо стать поваром. Откровенно говоря, она терпеть не могла готовить, потому сопротивлялась до последнего. А потом все-таки пошла подавать заявление в кулинарный колледж и подала, – Нина интригуяюще замолчала, – но не на повара, а на бухгалтера... Она сказала об этом, только когда ее уже зачислили в колледж. Так что родителям пришлось смириться.

– Нина, извини меня за любопытство, а за тебя родители тоже решили, чем заниматься?

– Можно сказать и так. Но наши интересы немного совпали. Я учусь в музучилище, и мне это нравится. Только специальность меня не слишком устраивает. Если честно, то хоровая музыка уже достала! Если бы родители позволили, я бы поехала в консерваторию поступать, на факультет сольного пения, но это вряд ли... Они ни за что не отпустят меня одну в другой город, даже если бы я решила дальше регентское дело изучать.

– Сочувствую.

– Когда родители закрыли Варю, она попросила меня, через дверь, рассказать о ее заточении Рустаму. Я пошла к нему, обрисовала ситуацию. В тот же день Рафиковы пришли к нашим родителям просить руки Вари. Отец им отказал из-за разной веры. Тогда Рустам сказал, что он готов покреститься. Его родители такого никак не ожидали. Дядя Шамиль даже чай пролил от неожиданности, а наш папа сказал, что это неправильный поступок. Если он готов от своей веры отречься, то так же легко отречется и от жены, и от родителей, и от Родины, и от новой веры. Рустам пытался возражать, но его родители обиделись на моих и увели сына. Варя весь этот разговор через стенку слышала, и ей стало плохо. Мама понесла ей ужин и поняла, что надо вызывать «Скорую». Городок у нас маленький, как только Варю положили в больницу, едва ли не весь Дольск узнал о ее беременности... Варя пролежала в больнице две недели, потом Ольга с мамой поехали ее забрать, а оказалось, что она уже выписалась. Рустам опередил их. Варя стала жить у Рафиковых, снова пошла в колледж, как раз к защите диплома успела. Еще они с Рустамом подали заявление в ЗАГС и стали готовиться к свадьбе. Платье ей купили, такое красивое! И живота в нем почти не видно было. – Нина смахнула со щеки слезу и дрогнувшим голосом проговорила: – За неделю до свадьбы Рустам погиб.

– При каких обстоятельствах?

– Пьяный водитель самосвала устроил ДТП, в котором кроме него еще три легковушки пострадали. В одной из них ехал Рустам с отцом. Дядя Шамиль отделался лишь синяками, а Варин жених умер от разрыва селезенки, не дождав-шись «Скорой». Кроме него еще две женщины погибли, ко-торые ехали в других машинах...

– Как же твоя сестра справилась с этим горем? – спросила я, подумав, не тронулась ли она умом после такой трагедии.

– Тяжело. Снова возникла угроза выкидыша, и ее положи-ли в больницу, но уже не в нашу, а в областную. Это Рафики-вы подсустились, чтобы наша семья ее здесь не доставала. Их понять можно – потеряв единственного сына, они не хотели потерять и внука. Рафиковы опасались, что наши родители заберут малыша. Надо сказать, папа с мамой действительно собирались это сделать. А моей сестре по-прежнему светила дорога в монастырь... Варя пролежала в областном перина-тальном центре до самых родов и родила мальчика. Она хо-тела назвать его Тимофеем. Так нашего дедушку звали, ма-миного отца, да и по святцам это имя подходило. Но Варин свекор назвал его Тимуром. Именно он ходил регистриро-вать малыша в ЗАГС и зарегистрировал... на свою фами-лию, и это несмотря на то, что Варя с Рустамом не успели по-жениться. Наверное, дядя Шамиль дал кому-то взятку. Ра-фиков Тимур Рустамович – так зовут моего племянника.

– А что же Варя? Как она на это отреагировала?

– Ей пришлось с этим смириться, тем более ей предстояло

жить в семье Рафиковых. Поначалу там относились к ней как к своей родной дочери. А в Тимурчике они и вовсе души не чаяли. Он очень похож на своего отца. Если сравнивать их детские фотографии, например, в годик, то просто одно лицо.

– Ты сказала, что поначалу родители Рустама относились к Варе как к дочери. А потом что-то изменилось?

– Изменилось, – кивнула Нина. – Они стали постепенно отстранять ее от Тимурчика, особенно свекровь. Она сама старалась заниматься ребенком – купала его, гуляла с ним, укладывала спать. А Варе оставалось только стирать, гладить, убираться, готовить, причем на всю семью. В конце концов, она превратилась в домработницу Рафиковых, которую практически не выпускали на улицу и не допускали к собственному ребенку. Из всей нашей семьи я была единственной, кто поддерживал с ней отношения. И то тайком от своих родственников. Папа с мамой по-прежнему считали, что Варя опозорила нашу семью и что у нее был только один шанс искупить свой грех – стать монашкой. Ольга не хотела ссориться с родителями из-за Вари, Матвей к тому времени уже жил в другом городе, а Петька еще слишком мал, чтобы иметь собственное мнение. Так вот, когда я приходила к сестренке, она жаловалась мне, что очень мало времени проводит со своим сыном. Стоило ей только подойти к его кровати, как свекровь тут же находила для нее дело по дому. То ли это ревность была, то ли в мусульманских семьях

так принято, я не знаю... Потом и меня перестали пускать к Варю. Однажды дядя Шамиль сказал мне, что Варя болеет, и закрыл передо мной дверь. А ведь я за полчаса до этого разговаривала с сестрой по телефону. Все было в порядке. Рафиковы просто не хотели, чтобы мы общались. Наверное, они боялись, что я помогу Варю сбежать с Тимурчиком...

– А у вас были такие планы? – поинтересовалась я.

– Конкретных планов у нас не было, но Варя подумывала о том, чтобы уйти от Рафиковых вместе с сыном. Только податься ей было совершенно некуда. Я советовала ей попросить у мамы с папой прощения и разрешения вернуться домой, но сестренка даже не стала рассматривать этот вариант. Она была обижена на родителей.

– Скажи, а как Варвара оказалась в Тарасове?

– Однажды она пошла в ближайший магазин за продуктами и встретила там свою бывшую одноклассницу Свету Ясину, по мужу – Парамонову. Та поинтересовалась, как у Вари дела, и моя сестренка рассказала ей, что живет в семье своего несостоявшегося мужа и что дальше этого магазина ее не пускают. Светлана пообещала что-нибудь придумать. Она с детства была такая пробивная! Мы ничуть здесь не удивились, когда узнали, что Светка в восемнадцать лет вышла замуж за тарасовского бизнесмена. Варя как-то сразу поверила, что Светлана ей поможет, и не зря. Вернувшись домой, Ясина, то есть Парамонова, – поправила Нина, – рассказала своему мужу о Варю и спросила, можно ли ей как-то

помочь. В итоге у них созрело такое решение – Варя надо переезжать в Тарасов, поначалу одной, без сына, устроиться там на работу и ежемесячно посылать Рафиковым некоторую сумму на содержание ребенка, обязательно сохраняя квитанции. Они могли понадобится в суде...

– Умно, – согласилась я.

– Светин муж, – продолжила Нина, – готов был не только сразу взять мою сестру на работу в свой ресторан, но и даже предоставить ей жилье. Парамонова рассказала Варя об этом по телефону. Когда свекровь в очередной раз довела мою сестренку до слез, она решила принять Светино предложение. Правда, Варенька опасалась, что Рафиковы ее не отпустят – она же была для них бесплатной прислугой. Но, как ни странно, они не возражали против того, чтобы Варя съехала от них. Даже обрадовались. Словно только этого и ждали. Возможно, они для того и делали ее жизнь невыносимой, чтобы она поскорей ушла от них. Для них главным было, что Тимурчик остается.

– А если бы Варя ушла вместе с ним?

– Куда? Рафиковы прекрасно понимали, что к нам домой она не вернется. Ведь оттуда ей была бы прямая дорога в монастырь. А для того, чтобы снимать квартиру, нужны были деньги, которых у Вари не было. На работу, имея на руках маленького ребенка, тоже не устроишься. Так что у моей сестры был только один-единственный выход – принять предложение Светланы. На прощание Варя сказала Рафико-

вым, что устроится на работу и будет присылать деньги для сына. Но его бабушка с дедушкой сказали, что им ничего от нее не надо. Тем не менее моя сестра сдержала свое слово. Уже с первой зарплаты она сделала перевод на имя Шамиля Камильевича.

– Значит, твоя сестра сначала работала в ресторане? – Я подтолкнула Нину к дальнейшему рассказу.

– Да, калькулятором блюд. Она рассчитывала цену каждого блюда, то есть практически это была ее специальность. Но потом ей пришлось искать новую работу, потому что возникла проблема с жильем. Первые три месяца она жила в квартире каких-то дальних родственников Светинового мужа. Те в Москву на время уехали. Вместо платы за жилье Варя ухаживала за цветами и кошками. До нее кошки у Парамоновых жили, а Света их терпеть не могла. Все неплохо складывалось, но потом вдруг хозяева решили вернуться. Варечка пыталась снять другое жилье, но на ее зарплату подходящий вариант было найти сложно. Она ведь половину получки отсылала на содержание сына. И тогда моя сестренка стала искать другую работу и нашла, как раз в «XXI веке». Во время испытательного срока ей платили те же деньги, что и в ресторане, но в перспективе обещали повысить зарплату. К тому же Варе удалось найти дешевое жилье. Директору понравилось, как Варя работает, и через два месяца он, как и обещал, повысил ей зарплату...

– Кем же она работала в строительной фирме, имея ди-

плом кулинарного колледжа? – поинтересовалась я.

– Офис-менеджером. Варя следила за тем, чтобы в офисе был порядок. Если уборщица вдруг не выходила на работу, она сама полы мыла, пыль протирала. А вообще, ей очень много документов приходилось ксерокопировать. Нужно было следить, чтобы всегда чернила в картриджах были, бумага и прочие канцтовары. А еще она ухаживала за цветами. Директор очень любил комнатные растения, они были повсюду – в его кабинете, в конференц-зале, в холле...

– Я слышала, твоей сестре приходилось иногда работать сверхурочно. Ты случайно не в курсе, чем она вечерами занималась?

– В курсе, – кивнула Нина. – В офисе иногда проходили переговоры с подрядчиками или заказчиками, которые не умещались в рамки рабочего дня. Вообще-то помогать начальству во время переговоров – принести какие-то документы, заварить чай или приготовить кофе должна была секретарша Кулика. Но у нее маленький ребенок и ревнивый муж, поэтому она не могла задерживаться. А Варе спешить было некуда, поэтому она оставалась. Знаете, однажды переговоры были очень сложными, Варя почувствовала, что заказчики уйдут ни с чем, и заварила всем по собственной инициативе чай, добавив в заварку святую воду. Она как раз в тот день принесла бутылку с ней, чтобы выходить какой-то увядающий цветок. Так вот, после чаепития в переговорах наступил перелом, и в конце концов договор был подписан.

– Надо же! – подивилась я.

– Да, так все и было. Святая вода обладает просто чудодейственной силой! Директор, конечно, ничего не знал про воду, но похвалил Варю за то, что она разрядила обстановку. Больше никогда и ни по какому поводу моя сестренка не упоминала о Кулике. Если бы у них возник какой-то конфликт, она мне непременно рассказала бы.

– А с кем-то другим у нее были конфликты?

– Скорее непонимание. Варя не рассказывала никому о себе – ни о том, что у нее есть сын, ни о том, в какой семье она выросла. Сотрудницы не могли понять, почему она не носит мини, не ходит с ними обедать в кафе, а после работы не тусуется в клубах...

– Но в Тарасове за ней никто не следил, – заметила я, – поэтому она могла одеваться, как хотела.

– Понимаете, Варя уехала из Дольска не потому, что искала каких-то развлечений. У нее была конкретная цель – вернуть себе сына. Для этого ей нужен был стабильный доход, позволяющий оплачивать съемное жилье, детский сад, ну и все прочие расходы. Работа в «XXI веке» открывала перед ней такие перспективы, важно было не потерять ее. В Тарасове Варя пошла в церковь, впервые по собственной воле. После того, что она пережила, к ней пришло осознание, что все эти несчастья не просто так свалились на нее, она их заслужила. Моя сестра хотела искупить свои грехи, поэтому старалась вести праведный образ жизни. Окружаю-

щие не всегда ее понимали, иногда смеялись над ней, но, по словам Вари, все это были пустяки по сравнению с жизнью в семье Рафиковых. Со временем коллеги к ней привыкли, розыгрыши прекратились. Когда я последний раз разговаривала с сестренкой по телефону, у нее был такой счастливый голос! Она сказала, что совсем скоро сможет забрать Тимура. А потом Варенька куда-то пропала. Ее, оказывается, арестовали. Ну не могла Варя никого убить, понимаете, не могла! Тем более Валерия Михайловича. Она была очень благодарна ему за то, что он взял ее на работу, выполнил свое обещание и повысил ей зарплату... За что же ей убивать его?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.